

УДК 821.161.1-192:785.161
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+Щ318.5
Код ВАК 10.01.01
ГРНТИ 17.07.41

А. А. РЫЖКОВ

Челябинск

МОТИВ СУДЬБЫ В РОК-ПОЭЗИИ ГРУППЫ «МЕЛЬНИЦА»

Аннотация. В статье рассматривается мотив судьбы в рок-поэзии группы «Мельница». Тексты отбираются в зависимости от наличия в них мотива судьбы и группируются в два мотивных лирических комплекса, что позволяет охватить все основные альбомы коллектива, выделить наиболее устойчивые трактовки мотива судьбы и способы его реализации.

Ключевые слова: судьба, литературные мотивы, мотивные лирические комплексы, мифология, фольклор, рок-группы, русская поэзия, рок-поэзия, поэтические образы, поэтическое творчество, русский рок.

Сведения об авторе: Рыжков Артём Александрович, студент историко-филологического факультета Челябинского государственного университета.

Контакты: 454084, Россия, г. Челябинск, проспект Победы, 162-в; teverton@yandex.ru

A. A. RYZHKOV

Chelyabinsk

THE MOTIF OF DESTINY IN THE ROCK-POETRY OF THE BAND «MELNITSA»

Abstract. The article considers the motif of destiny in the rock-poetry of the band «Melnitsa». The lyrics are selected depending on the presence of the motif of destiny and grouped into two motivic lyrical complexes. It allows covering all the main albums of the band, to single out the most stable interpretations of the motif of destiny and the ways of its realization.

Keywords: destiny, literary motives, motivic lyrical complexes, mythology, folklore, rock bands, Russian poetry, rock poetry, poetic images, poetic creativity, Russian rock.

About the author: Ryzhkov Artyom Aleksandrovich, a student of the Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University.

Группа «Мельница» – яркий представитель русской рок-поэзии XXI века, опирающийся на традиции отечественной и мировой литературы. Тем не менее, в творчестве коллектива можно выделить уникальные черты: Н. С. Разницына отмечает доминирование жанра баллады, осознанное обращение к мифологическим мотивам и архетипам [8, с. 260–262], Д. А. Холина и Е. Г. Тер-Оганова пишут, что группа активно взаимодей-

ствует с мифологией, фольклором и литературой, создавая миф, «включённый в единое культурное пространство, в индоевропейскую мифопоэтическую традицию» [13, с. 258–259].

При столь широком просторе для исследования тексты «Мельницы» остаются малоизученными, особенно в сравнении с текстами «классических» рок-групп. Это обстоятельство объясняется объективным фактом: коллектив сформировался в конце XX века и активно выступает до сих пор, поэтому не представляется возможным дать целостную оценку его творчеству. Однако обращение к частной филологической проблеме, которую уже поднимали названные выше учёные – проблеме мотива, – позволит привлечь как ранние, так и поздние тексты, и репрезентативно выделить их особенности. Для анализа выберем связанный и динамический¹ мотив судьбы, один из наиболее частотных и повторяющихся в рок-поэзии группы.

Учитывая существующие подходы к данной литературоведческой категории, мы вслед за И. В. Силантьевым будем опираться на мотивно-тематический анализ. Выбор обусловлен тем, что лирический мотив отличается от эпического и несёт в себе ряд специфических черт: «Всякий мотив в лирике исключительно тематичен, и любому мотиву здесь можно поставить в соответствие определённую тему. И наоборот, лирическая тема как таковая исключительно мотивна по своей природе, и мотивы как характерные предикаты темы развертывают её» [9, с. 14–15].

Особо отметим явление мотивного лирического комплекса. Так как мотивы не связаны фабульным действием, они «...тяготеют друг к другу в тематическом плане, оказываясь <...> в едином поле лирического переживания» [10, с. 111]. Введение этой дефиниции позволяет нам объединить тексты в две группы, в которых мотив судьбы взаимодействует с рядом повторяющихся мотивов.

1. Мотивы судьбы, пути, битвы, испытания, любви

Наблюдение за песнями в рамках рассматриваемого мотивного комплекса показывает, что мотив судьбы может приобретать диаметрально противоположные значения.

Песня «Воин вереска» разворачивает перед нами историю взаимоотношений отправляющегося в путь воина и его любимой. В первом куплете мы находим указание на то, что лирический герой не верит в своё возвращение: «...я никогда не вернусь»². Припев содержит развёрнутую метафору лезвия: «И узок путь по лезвию дождя», – которая в данном контексте может рассматриваться как указание на возможную кончину, а значит, в тексте впервые прослеживается мотив неизбежной смерти. Далее этот мотив получает развитие в сравнении героя с «раненым зверем», а также через лексемы, чьё коннотативное значение указывает на гипотетическую битву, в которой воин был убит: «...следы моей крови во

¹ Мы используем классификацию мотивов, предложенную Б. В. Томашевским. Подробнее: [12, с. 183–185].

² Здесь и далее тексты песен цитируются по [11].

тьме», «холод и мгла». Благодаря риторическому вопросу: «Неужели ты ждешь... духа сумрачной стали...» – мы можем с уверенностью заявить о кончине лирического героя, так как слово «воин» заменяется связанной с потусторонним миром лексемой. Последние стихи рефреном несут мысль о нахождении героя в чуждом смертном мире: «И не ищи – ты не найдешь следов... И не ищи в морозной мгле следов...». Мотив судьбы обнаруживается как через прямое вербальное выражение, так и через взаимодействие с другими динамическими мотивами. Путь героя как дорога к собственной гибели был заранее предопределён и осознавался таковым как воином, так и его возлюбленной.

Иную трактовку мотив судьбы приобретает в песне «На север». В тексте обнаруживается сознательная связь с германо-скандинавской мифологией, что подтверждается мифонимами (валькирии, норны, Один), историческими деталями (упоминание драккаров: «...врезаны волны драконьею пастью»), изображении холодных топосов), принципами аллитерационного стиха (в частности, звукописью). Эта яркая связь влечёт за собой и особое мировоззрение¹ воинов.

Уже первые строки несут двойную смысловую нагрузку: «На чужих берегах – переплетение стали и неба, / В чьих-то глазах переплетение боли и гнева» – из них мы узнаём о сюжете (морской набег викингов), который развивается в рамках мифологической оппозиции своё-чужое: «своё» (день, мир, любимые люди) и «чужое» (ночь, сражение, враги) пространство маркировано.

Кульг вечного сражения, предопределённого свыше, подчёркивается разными способами: в тексте часто встречаются словосочетания, указывающие на «вечный» характер битвы: «...наша участь известна», «вечна погоня, вечно над морем лететь...»; песня открывается катреном, изображающим набег викингов, в конце помещено двестишие, указывающее на возвращение домой, а завершающий катрен является несколько изменённым вариантом первого, следовательно, круг вечного сражения воинов замыкается; примечательны образы валькирий – дев-воительниц, решавших исход битв («В вое ветров мы слышали песни последних валькирий»), норн – скандинавских богинь судьбы («Бледные норны шепчут: на север...»), верховного бога войны Одина, которому служат волки [7, с. 241]. Черты именно этих животных появляются во внешности викингов: «...на клыках – свежеею кровью пахнет вода», «...вы в сером, вы звери...». Перечисленные особенности подтверждают наше предположение о предопределённом свыше уделе.

Краткое метафорическое описание битвы: «Видишь мерцание лезвий

¹ А. Я. Гуревич пишет о двойственном отношении к судьбе у древних германцев и скандинавов. С одной стороны, судьба осмысливается как сила, которая стоит над богами и людьми и которой они подвластны. С другой стороны, каждый индивид является носителем собственной судьбы. Его судьба – это результат «удачливости» и «неудачливости», поступков и напряжения силы воли. Битва становится своеобразным способом «измерения» везения [1, с. 148–155].

среди стонов разодранной ночи, / Слово прощания с жизнью, что стала мгновенья короче!..» – уместает в себя указание на смерть некоторых воинов, другие успешно «вернулись домой».

Мотив судьбы в тесной связи с мотивами пути, битвы, испытания, любви приобретает необычное воплощение: жизнь воина – череда предопределённых высшими силами столкновений, однако возвращение викинга из чужих земель домой, к близким, зависит от его умений и воли.

Обратимся к песне «Океан», в которой мотив судьбы реализуется благодаря синтезу различных представлений о водной стихии.

Произведение явно ориентируется на эпический сюжет «Одиссеи» Гомера: в обоих текстах излагается история смелого мореплавателя, который проходит испытания и возвращается к своей возлюбленной, а Океан мыслится как персонаж, временно удерживающий героя, но в конце концов обязанный его отпустить: «Время отпустить нас из своих объятий...». Однако в мифологии океан – воплощение хаоса, для которого характерны разрушительные черты. Их мы находим в тексте в ряду выразительных эпитетов: «черногривый», «ревнивый», «жестокий», «древний». Беззащитность героя компенсируется с помощью прогресса, который позволил человечеству «обуздать» водную стихию. Научная терминология, вплетённая в ткань текста, явно это подтверждает: «Видят рифы, смерчи, мели, видят сквозь туман / И чужую параллель, и наш меридиан». Океан перестаёт быть неизвестной величиной, его «покрывало вод собрал волнами тонкий шнур-меридиан».

Аккумулируя все вышеперечисленные замечания, приходим к выводу: путь для героя – это полное опасностей и испытаний приключение, во время которого мореплаватель «сражается» с океаном. Противостояние заканчивается победой героя и его возвращением к любимой женщине. Мотив судьбы в данном произведении приобретает иную, в сравнении с предыдущими текстами, трактовку: необузданные стихии влияют на жизнь человека, однако уже не имеют над ней прежней власти.

Песня «Дороги» входит в альбом «Ангелофрения», название которого переводится как «одержимость ангелами». Поэтому именно с позиций христианской мифологии мы рассмотрим текст.

Ангелы – это «...бесплотные существа, назначение которых – служить единому богу, воюя с его врагами» [6, с. 76]. Главным врагом Бога в христианстве является его антипод – Дьявол, их противостояние и представлено в песне. Но так как монотеистические религии постулируют доктрину всемогущего Бога, прямое сражение невозможно; проблема разрешается благодаря ангелам, которые вступают в борьбу со своим падшим собратом.

В мире, который предстаёт перед нами, битва ангелов с Лукавым всегда происходит в пути. Это пространство конструируется через «дорожную» лексику: «третий перекрёсток», «всадник», «тропы», «причал», «парус». Мотив поединка реализуется не в куплетах, а в припеве, где в повелительной форме выражен исход сражения: «Лукавый,

смирись – / Мы всё равно тебя сильнее». Авторской находкой мы считаем мотив любви между ангелами, который органично существует в общей ткани повествования: дороги, по которым путешествуют Божьи посланники, «...сплелись / В тугой клубок влюблённых змей». Ангелы пытаются встретиться, но, так как их единственная миссия – служение, «...на свете нет дороги, / Чтобы нас вела друг к другу!» Судьба ангелов – вечный путь и вечное сражение с Лукавым, а значит, вечная усталость («...в туманах немеет крыло...») и вечное одиночество.

В песне «Война», подобно предыдущим текстам, судьба осмысливается как предопределённая участь – бесконечное сражение. Однако стоит отметить особый антимилитаристский пафос произведения, характерный для эстетики рок-поэзии. Лирический герой утратил собственную идентичность: «Так вышло – я ещё живой, / Или живой уже не я?», война становится для него образом жизни: «...сестра, мне некуда возвращаться, кроме войны». При этом понять смысл столкновений солдат не может: «...я не знаю ничего о войне, / Я до сих пор не постиг математику строя наших огненных кораблей». Противоречивость войны подчёркивается в её изображении: то романтическом (солдаты высаживаются «...в закат», убитые в бою «...лежат в траншеях под гусеницами облаков»), то реалистическом («...вместо меня останется дырка в небе или же дырка в земле»). В последней строке появляется мотив ангельской борьбы, который мы рассмотрели в песне «Дороги»: герой «...уходит обратно в ночь, тяжело подволакивая крыло».

Итак, война в песне несёт смерть, изменяет сознание, лишает мирной жизни. С другой стороны, её изображение не лишено романтических черт, а образ героя выдержан в эпическом былинном духе: его битва продолжается бесконечно и в разных пространствах, от земли до неба. К тому же, через мотив ангельского служения проявляется связь с божественным предназначением. Мотив судьбы вновь реализуется во взаимодействии с мотивами пути, битвы, испытания и любви.

2. Мотивы судьбы, двойничества, подмены, обмана, хаоса

Анализ второго комплекса мы поведём несколько иначе. Нам представляется, что рассматривать мотивы двойничества, подмены, обмана и хаоса наиболее продуктивно, опираясь на древнейшие мифологические архетипы¹.

В песне «Ночная кобыла» описывается встреча смертного мужчины с Богиней-матерью, причём в хтоническом образе кобылы. Это существо завлекает героя, чтобы обманом вступить с ним в брак. Но, как отмечают исследователи, богиня не может иметь равного себе супруга, поэтому она порождает, а потом уничтожает его [13, с. 264].

Приведём примеры, доказывающие, что сопоставлять кобылу и Богиню-мать правомерно. Действие происходит «ночной порою», которая

¹ Отметим, что термин «архетип» мы трактуем вслед за Е. М. Мелетинским как литературно-мифологическую сюжетную схему и образ [4, с. 3–5].

является типичным временем для появления хтонической богини. Неоднократно встречаются образы воды («тёмная река», «быстрая вода»), мифологические представления связывают эту первоначальную субстанцию с хаосом. Подчёркиваются отрицательные черты, присущие Богине-матери: ветреность («Пришёл желанный, ушёл постылый»), коварство («Честного не жди слова / Я тебя предаю снова») [6, с. 178–180]. Наконец, связь с хаосом заложена в названии песни, которое заимствовано из английского языка: дословный перевод слова «nightmare» – «ночной кошмар».

Попадание к демоническому существу влечёт за собой попытку его обуздания, которая в песне заканчивается трагически. Герой, влекомый «чужой славой», приходит к ночной кобыле и даже проводит обряд призвания («Срезал дорогой высокий стебель, / Смотрел себе под ноги и видел небо / Холмы кострами объял золотыми / И, глядя в пламя, шептал её имя»), что позволяет провести параллель с празднествами-мистериями в честь региональных воплощений Богини-матери. Попытавшись «связать кобылу её же гривой», смертный заставляет её явить свой демонический облик и погибает. Мотив судьбы проявляется в попытке брака с ночной кобылой, который в любом случае закончится плачевно ввиду неравенства между Богиней-матерью и обманутым смертным мужчиной.

В песне «Невеста Полоза», уже в названии которой прослеживается связь с уральским фольклором, ключевым является образ змея. Существенным в рамках мотивного анализа представляется одно из его качеств: Полоз воплощает в себе все потусторонние силы, которые не зависят от человека и определяют его судьбу, счастливую или несчастливую [3, с. 36–39]. А фольклорный сюжет женитьбы Полоза на девушке восходит к мифологическому архетипу змеборчества, причём в тексте он несколько нетипичен: образ героя-спасителя присутствует в песне опосредовано, через обращение к нему в припеве.

Известно, что в фольклоре существует поверье: если девушка увидит змеиную свадьбу, то её заберёт в своё царство чудище. Из первого куплета мы узнаём, что героиню предостерегают от нарушения этого запрета: «Ай, не ходи, да беды не трогай, девица. / Колдовства не буди, / Отвернись, не гляди – / Змей со змеицей женятся». Во втором куплете героиня совершает эту ошибку: «Лиха не ведала, глаз от беды не прятала». Перифраза «беда» означает змеиную свадьбу, следовательно, нарушение табу произошло и наказание неминуемо: «Быть тебе, девица, нашей, сама виноватая!» В последнем куплете используется лексика, связанная с браком и интимными отношениями: «Пылью под пологом голос мне полоза слышится...», «Он зовёт меня вниз: / “Родная, спустись, / Обниму в тридцать три кольца”». Благодаря этому мы понимаем, что брак был совершён и девушка спустилась в нижний мир – традиционное место обитания хтонического зверя, который стал своеобразным «двойником» жениха героини. Мотив судьбы в «Невесте Полоза» реализуется через архетипический мотив похищения девушки змеем, а также через связанные с этим мотивы обмана, подмены, двойничества и хаоса. На трагическую

предопределённость этого сватовства указывает символическое значение брака со змеем как кражи души и последующей смерти [4].

Песня «Сказка о дьяволе» возвращает нас к образу павшего ангела, но в иной авторской трактовке. Судя по всему, в тексте продолжается традиция изображения Сатаны как мрачного и величавого персонажа, заложенная Джоном Мильтоном в барочной поэме «Потерянный рай».

Наследие английского поэта позволяет сделать Дьявола полноценным героем, который «по морям-океанам плавал». Увидев возлюбленную другого персонажа, не названного прямо в тексте, он вспыхнул к ней страстью и принял чужой облик¹, чтобы завоевать желанную. И безымянный мореплаватель, и Дьявол олицетворяют собой героя и антигероя соответственно, что доказывает, например, мотив похищения и освобождения луны: падший ангел «...украл с неба ясный месяц», герой «отвязал бы луну от причала» – или время прибытия к возлюбленной: Дьявол «...приходит с ночным приливом», герой хотел бы «...примчаться домой с рассветом». Всё это подтверждает наличие в песне мотива двойничества. Мотивы подмена и обмана реализованы через магическое превращение: «Принял Дьявол моё обличье / Не найдёшь и пяти отличий». Показательно, что мотив подмены обычно используется в паре с мотивом идентификации, дальнейшего разоблачения. В песне этого не происходит. Неслучайно безымянный герой употребляет сослагательное наклонение, он «пропал с верной командой» и не может что-либо изменить. К тому же, он не видит смысла в возвращении: «Только стоит ли, право, вернуться, / Только стоит ли мне воскреснуть, / Если вместо меня живёт Дьявол, / Мои песни поёт тебе Дьявол?» Хочется отметить, что подобный сюжет влечёт за собой очередную ассоциацию с «Одиссеей», однако развязка песни не столь оптимистична, как финал поэмы.

Мотив судьбы в тексте реализуется через мотивы двойничества, подмены и обмана, которые определяют несчастливый итог плаванья лирического героя и бессмысленность возвращения домой, ведь там его место рядом с возлюбленной занимает коварный Дьявол, воплощение хаоса.

В песне «Чёрный дрозд» представлен персонаж, образ которого изначально не поддаётся однозначной трактовке. В неизвестном пространстве появляется странник, чей облик выделяется амбивалентной природой и типичной антиномией свет-тьма: «Из-за дальних морей, из-за граней добра и зла / Он пришёл в этот город, окутан вечерней мглой, / И одежда его была, как песок, бела». Путешественник пришёл не просто так, «он принёс людям золото и тепло». Это действие роднит персонажа с культурными героями, которые всегда были добытчиками блага для человечества. Одна-

¹ Архетип героя непременно связан с архетипом антигероя, встречаются случаи, когда культурный герой имеет враждующего с ним брата-трикстера. Такое раздвоение связано с мифологическим, а позже религиозным дуализмом. Тот факт, что трикстер может быть как братом, так и вторым лицом культурного героя, объясняется влиянием близнецных мифов, где сходство родственников ведёт к их отождествлению [5, с. 38–41, 67–68]. Этот комплекс сюжетов влечёт за собой мотивы двойничества и подмены, которые нашли своё выражение в песне.

ко появление столь щедрого дарителя сопровождают мрачные знамения: «А на первую ночь с неба грянул гром, / На второй же день дождь упал стеной». Также в тексте встречаются образы-символы, так или иначе связанные с пороком и нечистой силой: «Только в гуще шелковиц ликует чёрный дрозд», «Только в чаще смоковниц всё радуется певчий дрозд». Дрозд – известный символ тьмы, греха и плотских соблазнов, смоковница – символ знания, плодородия, но и грехопадения. Тот факт, что в мифологии птицы могут быть воплощением божества, героя, трикстера [7, с. 346], а также особое повторение семы «веселья» в характеристике чёрного дрозда, позволяют нам отождествлять его с героем песни, который наблюдает за результатом своих действий и ликует: люди низведены до животного уровня, ведь даритель уже «кормит их золотом с рук».

Мотив судьбы приобретает роковое значение. Лжепророк, лжедаритель, воплощающий хаос, обманывает людей, а широко представленные в тексте символы и знамения сигнализируют о неминуемой расплате за подобную доверчивость и слабость.

Конечно, различные варианты воплощения мотива судьбы не исчерпываются проанализированными текстами. Можно выделить, например, «Шелкопряда», в котором судьба осмысляется через призму посланных свыше творческих мук, «Реку», где смерть героини диктуется сознательной ориентацией на жанр народной лирической песни, «Тристана» и «Изольду», которые являются микроциклом и рассматриваются в контексте трагического сюжета кельтской легенды и позднейших куртуазных романов. Но мы ставили перед собой иную задачу: охватить и сгруппировать тексты из разных альбомов, выделить наиболее устойчивые трактовки мотива судьбы и проанализировать особенности его реализации, а через них выявить некоторые черты всей рок-поэзии группы.

В большей части песен мотив судьбы осмысляется в русле двух трактовок:

а) семантической. Судьба – «событие чьей-либо жизни» или «таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни». Лексема «соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события» [2, с. 30, 455];

б) мифологической. Судьба – «...представление о непостижимой силе, действием которой обусловлены как отдельные события, так и вся жизнь человека...» [7, с. 741].

В некоторых текстах мотив судьбы трактуется несколько иначе. Песня «На север» содержит идею того, что удел воина, определённый богами, – вечная битва, однако выживание викинга зависит от него самого. В песне «Океан» герой-мореплаватель противостоит океану, и его борьба заканчивается возвращением домой. Эти трактовки позволяют говорить о соединении как семантической и мифологической трактовок, так и социологического подхода, в рамках которого судьба человека определяется его характером, личностью, волей, здоровьем, а также внешними условиями.

Реализация мотива судьбы происходит с помощью его включения в лирический мотивный комплекс песни. Чаще всего мотив судьбы взаимодействует с повторяющейся группой связанных и динамических мотивов (пути, битвы, испытания, любви, обмана, подмены, двойничества, хаоса). Также развитие мотива происходит благодаря привлечению различных элементов художественного текста: архетипов, образов, символов и т. п.

Анализ мотива судьбы позволяет нам подтвердить выделенные особенностями особенности рок-поэзии «Мельницы»: песни группы связаны с мифологией, фольклором и литературой на разных уровнях, их использование носит сознательный характер. Однако это не отменяет авторского начала, проявляющегося в мифотворчестве, что наиболее отчётливо прослеживается в песнях «Сказка о Дьяволе», «Невеста Полоза», «Дороги», «Чёрный дрозд». Очень удачным в данном контексте кажется та характеристика, которую дали своему творчеству сами музыканты: «Новая музыка древнего мира».

Литература

1. *Гуревич А. Я.* Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов [Электронный ресурс] / А. Я. Гуревич // Понятие судьбы в контекстах разных культур: сборник научных трудов / Научный совет по истории мировой культуры. – М.: Наука. I полугодие 1994. – С. 148–157. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/2188671/> (дата обращения: 04.05.2017).

2. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира [Электронный ресурс]: сборник статей / Анна Зализняк и др. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. – Режим доступа: http://test.rusgram.ru/sites/default/files/liter/presupp/zal-lev-shm_keyideas.pdf (дата обращения: 11.05.2017).

3. *Лазарев А. И.* Рабочий фольклор Урала [Текст] / А. И. Лазарев. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. – 280 с.

4. *Мелетинский Е. М.* Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) [Электронный ресурс] / Е. М. Мелетинский // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky13.htm> (дата обращения: 12.05.2017).

5. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах [Электронный ресурс] / Е. М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с. – Режим доступа: http://ivgi.rsuh.ru/binary/object_2.1337777427.23922.pdf (дата обращения: 12.05.2017).

6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-ч т. [Текст] / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 1. А – К. – 672 с.

7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. [Текст] / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. К – Я. – 720 с.

8. *Разницына Н. С.* Мотив пути как лейтмотив альбома «Дорога сна» [Текст] / Н. С. Разницына // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. – Екатеринбург; Тверь: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. – Вып. 17. –

С. 260–267.

9. *Силантьев И. В.* Сюжетологические исследования [Электронный ресурс] / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 234 с. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=73412 (дата обращения: 05.04.2017).

10. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы [Электронный ресурс] / отв. редактор Е. К. Ромодановская. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2012. – 309 с. – Режим доступа: http://www.philology.nsc.ru/departments/literaturoved/books/Suzetno-motiv_complex.pdf (дата обращения: 06.04.2017).

11. Тексты песен [Электронный ресурс] // Официальный сайт группы «Мельница». – Режим доступа: <http://www.melnitsa.net/music.html> (дата обращения: 04.05.2017).

12. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 344 с.

13. *Холина Д. А.* Концептуализация смерти в мифопоэтической картине мира современной русской рок-поэзии (на примере творчества группы «Мельница») [Электронный ресурс] / Д. А. Холина, Е. Г. Тер-Оганова // eLIBRARY.RU: сайт. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20813948> (дата обращения: 11.05.2017).